

Всего за полчаса нападение, подобно урагану, обрушилось на лагерь, а затем так же быстро отступило, словно волна, отхлынувшая от берега.

Звуки рогов и свистков изменили ритм: из протяжных и громких они стали короткими и быстрыми.

И тогда люди Кушань, ловкие, как обезьяны, быстро отступили, взбираясь на деревья, перепрыгивая через мосты и исчезая так быстро, что никто не успел их рассмотреть.

В это время брат Цун и А-Янь добрались до опушки леса. Тропинка вела к маленькому мосту, но брат Цун, боясь выдать себя, не решился идти дальше. Однако идти вперед было опасно — вдруг люди Кушань еще не ушли и могли выстрелить из их же оружия.

Поэтому брат Цун и А-Янь спрятались у края леса, прислушиваясь к звукам вдали.

Когда шум стих, а звуки рогов и свистков исчезли, брат Цун сжал пистолет и осторожно выглянул.

Он находился на небольшом возвышении, откуда мог видеть свой лагерь.

Лагерь был в полном хаосе: палатки разрушены, людей почти не видно. Видимо, солдаты нашли укрытия и пока не решались выходить.

Брат Цун хотел повернуться, чтобы позвать А-Яня, но не успел этого сделать, как из ниоткуда в его ногу вонзилась стрела.

Он упал на колени, сдерживая боль, и выстрелил дважды в ответ.

Но эти выстрелы не попали в цель, а лишь вызвали новую волну шума.

Шум, словно ветер, сметающий листья, приближался к нему.

Он хотел крикнуть А-Яню, чтобы тот лег, но, оглянувшись, не увидел своего секретаря — только темный лес, будто готовый выпустить на него дикого зверя.

Брат Цун, прикрывая рану на ноге, попытался встать и уйти. Но он не успел подняться, как чья-то рука закрыла ему рот, и он потерял сознание, оказавшись на плече одного из нападавших.

То, чем ему закрыли рот, видимо, было каким-то травяным составом, потому что он мгновенно потерял силы и обмяк, позволив унести себя вглубь леса.

Брат Цун был захвачен в плен, и прежде чем он очнулся, до его ушей донеслись звуки музыки и пения.

Открыв глаза, он увидел вокруг себя факелы и людей в странных одеждах.

Люди Кушань были темнокожими, худощавыми, с выдающимися скулами, глубоко посаженными глазами и тонкими губами. Факелы в их руках плясали, а сами они босыми ногами прыгали по раскаленным углям.

Брат Цун попытался пошевелиться, но не смог. Он был привязан к столбу, и боль в ноге уже не была острой.

Он не видел своих ног, но, подняв голову, чуть не потерял сознание от ужаса. Прямо перед ним на каменном алтаре лежали три отрубленные головы.

Этих солдат он не знал, но узнал их головные уборы и окровавленную форму, брошенную рядом. Он хотел крикнуть, но голос не слушался, а рядом раздавался плач.

Он повернул голову и увидел своего секретаря А-Яня, живого, но в ужасе. А-Янь рыдал, но его крики заглушались громкой музыкой и барабанным боем.

Брат Цун снова посмотрел на алтарь. По обе стороны от него стояли мужчина и женщина, держа в правой руке нож, а в левой — факел. Их лица были серьезны и торжественны.

Кровь, видимо, залила алтарь, но теперь она застыла. Кожа на головах приобрела жуткий желто-зеленый оттенок, а места отрубов, соприкасаясь с камнем, оставили на нем коричневые пятна.

Под алтарем находилось углубление, где стояли овца, свинья и теленок.

Люди танцевали и пели, казалось, вечность, пока перед глазами брата Цуна не начали мелькать следы огня. Затем кто-то громко свистнул, и трое мужчин и женщин вышли из толпы.

Они зарезали животных, выпотрошили их, ели сырое мясо и пили кровь.

Толпа ликовала, барабаны гремели.

Брат Цун слышал, как вокруг него звучали слова на местном наречии, но ничего не понимал.

Он слегка поднял голову и увидел на флаге огромное изображение саламандры. Саламандра была везде: на небе, на руках, на узорах алтаря, на влажной земле.

И даже на лицах людей.

Странные маски в свете факелов выглядели еще более пугающе, то приближаясь к его лицу, то внезапно отдаляясь.

Люди образовали несколько кругов, а брат Цун и А-Янь оказались в центре. В этой невероятно напряженной и безумной атмосфере брат Цун снова почувствовал, как страх и усталость овладевают им.

Перед тем как потерять сознание, он увидел человека в меховой накидке. Он сидел за пределами круга, на возвышении, наблюдая за этим безумием, но его лицо было скрыто в тени.

Рядом с ним стояли двое: один в плаще из травы, другой в соломенной шляпе.

Тот, кто был в плаще, время от времени поднимал кувшин и пил, а человек в шляпе не поднимал головы и не произносил ни слова.

Это был последний образ, который увидел брат Цун. Он думал, что больше не проснется, что боль от потрошения настигнет его во сне, и тогда она не будет долгой.

Но он не только проснулся, но и обнаружил, что впереди его ждут новые пытки.

Он был пленником, а пленников пытали, чтобы выбить из них информацию. Он еще не говорил, не признавался, и люди Кушань не собирались его просто так убивать.

Именно поэтому, после того как короткий и безумный праздник закончился, брата Цуна перевели в тюрьму.

Позже он узнал, что его не убили в ту ночь еще по одной причине — через три дня должен был начаться главный праздник Кушань, Праздник Саламандры.

На Праздник Саламандры требовалось кровавое жертвоприношение, и в тот вечер должно было состояться грандиозное пиршество, намного масштабнее того, что он видел накануне.

Брат Цун должен был стать украшением этого праздника, и если бы его убили раньше, это лишило бы веселья.

Так он подвергся четырем дням жестоких пыток, и только тогда понял, что среди людей Кушань есть те, кто говорит на общем языке, хотя и с трудом.

Брат Цун был стойким, и за четыре дня не проронил ни слова. Он дождался начала Праздника Саламандры, до того момента, когда увидел проблеск надежды.

Утром в день праздника его разбудили, облив холодной водой.

Первый фейерверк взорвался, и в тот же момент первый удар кнута обжег его спину. Затем последовали второй, третий...

Фейерверки продолжали взрываться, их звуки, словно град, пробивали тонкую деревянную дверь.

Удары кнута не прекращались, разрывая только что зажившие раны и оставляя новые.

Боль, смешиваясь со старыми и новыми ранами, уже не была такой острой. После нескольких ударов ощущение от кнута притупилось, и вся спина горела, словно кто-то рисовал на ней огнем, создавая раздражающий узор.

Каждый раз, когда рука, покрытая татуировками, поднималась, раздавался громкий хлопок, оглушительный и резкий.

За эти четыре дня он прошел через цикл пыток.

В первый день, помимо боли, он чувствовал голод и жажду.

На второй день голод ушел, остались только боль и жажда.

На третий день жажда стала невыносимой, а боль притупилась.

А на четвертый день все вернулось на круги своя. Желудок сводило от голода, горло пересохло, как будто его терли наждачной бумагой, голова кружилась, и не было сил даже открыть глаза.

Звуки фейерверков постепенно заглушали удары кнута, приближаясь с каждой минутой.

Хотя он ничего не видел, он мог представить, что происходит снаружи. В разгар зимы мужчины Кушань, обнажив торс, танцевали среди фейерверков, держа в руках кукол и чучела монстров, позволяя взрывам оставлять на их телах красные следы.

Барабаны гремели, дым клубился, и они с криками и смехом бежали по углям, разложенным женщинами, направляясь к костру в конце дороги.

Брат Цун слышал об этом празднике еще до того, как узнал о существовании этого города.

Он задавался вопросом, какие люди могут так дико праздновать, мучая себя и при этом наслаждаясь танцами и криками, будто боль приносит им богатство и урожай.

Теперь он знал — это те самые люди, которые сейчас хлещут его кнутом.

Этот город был неприступен. Четыре года назад произошла революция, и вся страна изменилась. Отдаленный регион стал независимым государством, но эта маленькая провинция, зажата между двумя странами, так и не была завоевана.

Эта провинция называлась Кушань, и повсюду здесь были высокие горы, покрытые зеленью.

Местность была труднопроходимой, окруженной горами и водой.

<http://bllate.org/book/16300/1470065>